

Видя, как во взгляде Сы Юя живое любопытство сменяется паникой, Цзун Жуй наконец не выдержал:

— Сяо Юй, ты ведь что-то скрываешь от меня?

Сы Юй вздрогнул. Его зрачки сузились, а губы беспомощно задрожали.

Сы Юй молчал, но Цзун Жую и без слов было ясно: он попал в самую точку.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Цзун Жуй шагнул вперед, желая подойти ближе, пока в его собственной голове бушевал настоящий хаос. Мысли путались, безумные гипотезы рождались одна за другой и тут же лопались, как мыльные пузыри.

То, что из его жизни бесследно выпали четыре дня, было непреложным фактом. Память или рассудок явно дали сбой. Но почему любимый человек так юлит и упорно избегает прямого ответа?

Договорить Цзун Жуй не успел. Мир перед глазами внезапно подернулся чернотой, и он рухнул, теряя сознание.

Последним, что донеслось до него сквозь глухую пелену обморока, был полный паники возглас Сы Юя:

— Цзун Жуй!

Когда он пришел в себя, ощущение чуждости навалилось с новой силой.

Простыни под ним были гладкими и скользкими, ничуть не похожими на привычный плотный хлопок. В воздухе плыл сладковатый аромат, густо замешанный на каком-то другом, совершенно ни на что не похожем запахе.

Как взрослый и здоровый мужчина, приближающийся к тридцатилетнему рубежу, он прекрасно понимал природу этого амбре. Но когда они с Сы Юем в последний раз делили постель?

Память неохотно, по крупицам, возвращала события прошлого.

Он мысленно прокрутил назад последнюю среду: вот он заканчивает вечернюю лекцию в университете, созванивается с Сы Юем, узнает, что тот задерживается на работе, и ужинает в

одиночестве. Затем садится за каллиграфию и выводит иероглифы почти до девяти вечера, пока Сы Юй наконец не возвращается домой.

А затем наступило утро следующего дня... Стоп. Нет, это было совсем не следующее утро!

В сознании вспыхнула резкая, пугающая ясность.

Цзун Жуй отчетливо вспомнил утренний разговор с хозяином закусочной, встречу с соседкой и ее дочкой у лифта и, самое главное, то, как любимый человек мялся и отводил взгляд в ответ на его расспросы.

«Но почему я потерял сознание прямо сейчас? Неужели авария действительно так сильно повредила мозг? Знают ли родители? Что вообще говорят врачи?»

Вопросы роились в голове один за другим. На этот раз Цзун Жуй твердо решил: он добьется от Сы Юя правды, чего бы это ни стоило.

Однако стоило ему разомкнуть веки, как окружающая обстановка заставила его опешить.

Он обнаружил, что лежит в их спальне, на супружеском ложе.

И ладно бы он просто спал в своей постели. Но прямо в его объятиях, свернувшись калачиком, сладко посапывал Сы Юй. Опустив взгляд, Цзун Жуй онемел: шея, плечи и ключицы юноши были усыпаны яркими багровыми отметинами — безмолвными свидетелями недавней, крайне бурной ночи любви.

Почувствовав легкое шевеление, Сы Юй тихонько заворочался и что-то сонно пробормотал. Цзун Жуй с трудом, но разобрал хриплое:

— Больше... больше не надо...

Цзун Жуй безмолвно замер.

Вся его былая решимость рассыпалась в прах за долю секунды.

Какое-то время в голове царил абсолютный вакуум. Лишь спустя минуту он сумел навести подобие порядка в мыслях.

«Разве человек с серьезной травмой головы способен на подобные постельные безумства?»

Сейчас единственным его желанием было найти медицинские документы и лично изучить

диагноз, чтобы понять, насколько серьезно он болен.

Чувства были слишком противоречивыми, но будить сладко спящего Сы Юя не поднималась рука. Изнуренный вид юноши красноречиво свидетельствовал о том, чьих именно «стараний» это результат.

Цзун Жуй постарался как можно аккуратнее высвободиться из объятий, бесшумно поднялся с кровати и торопливо обулся в домашние тапочки.

Уже у самой двери он невольно бросил взгляд на прикроватную тумбочку.

В прошлый раз там стоял привычный стеклянный флакон с тростниковыми палочками, теперь же его место занимала старинная керамическая курильница.

«С чего вдруг Сяо Юй вытащил этот раритет?»

Не найдя разумного объяснения, он тихонько выскользнул в коридор.

Оказавшись в гостиной и плотно прикрыв за собой дверь спальни, он наконец-то смог облегченно вздохнуть. Пора было приниматься за поиски медицинских карт.

Цзун Жуй отличался педантичностью: все важные документы в их доме всегда лежали в строго определенном месте — в выдвижных ящиках книжного шкафа в кабинете. Со временем Сы Юй тоже привык убирать бумаги туда.

Но на этот раз, сколько бы Цзун Жуй ни перебирал папки и конверты, он не обнаружил ни единой медицинской справки или рецепта.

Подумав, что в суматохе после его внезапной госпитализации Сы Юй мог просто засунуть документы куда придется, Цзун Жуй решил перевернуть весь дом. Он методично обшарил каждый угол в гостиной, проверил полки и тумбочки, но так и не нашел ни малейшего следа.

«Неужели они остались в спальне?»

Да нет, уходя, он пусть и торопился, но успел внимательно осмотреть комнату. Никаких медицинских папок или справок там точно не лежало.

К тому же, раз уж дело дошло до амнезии после автокатастрофы, на теле должны были остаться хоть какие-то шрамы, синяки или ссадины. Но Цзун Жуй минут десять пристально изучал свое отражение в зеркале ванной комнаты и не нашел абсолютно ничего — кожа была чистой.

Зайдя в тупик, он понял, что вариантов не осталось: придется ждать, пока проснется Сы Юй, и устраивать ему детальный допрос.

Цзун Жуй бессильно опустился на диван и откинулся на мягкую спинку, невидящим взглядом уставившись в пустоту перед собой.

Мысли продолжали лихорадочно крутиться в голове. Провалы в памяти, украденные дни... Хм?

Случайно скользнув взглядом вбок, он заметил свой телефон, зажатый между диванными подушками.

Замерев на долю секунды, он негромко выругался про себя:

— Ну конечно! Как я мог забыть про телефон?

Даже если во время его беспамятства Сы Юй сам уладил вопросы с отпуском на работе и звонками родителям, друзья и коллеги наверняка пытались связаться с ним напрямую. Проверив историю сообщений, можно было нащупать хоть какую-то ниточку.

С этой надеждой он нажал на кнопку питания — экран остался мертв. Цзун Жуй досадливо поморщился и поспешил за зарядным устройством. Едва на дисплее замигал индикатор батареи, он затаил дыхание и снова зажал кнопку запуска.

И только когда загорелся экран блокировки, он осознал весь масштаб катастрофы: на календаре было уже девятнадцатое число.

Пролетела еще одна целая неделя.

От цифр на экране веяло пугающей нереальностью. Казалось, он всего лишь на секунду прикрыл глаза, а время совершило безумный скачок вперед, украв у него без малого полторы недели.

Плотно сжав губы, он разблокировал экран и запустил мессенджер.

Поскольку телефоном не пользовались слишком долго, приложение намертво зависло от лавины посыпавшихся уведомлений. Понадобилось немало времени, прежде чем система наконец ожила и позволила разглядеть содержимое чатов.

Первыми в списке шли закрепленные контакты. Он заглянул в семейный чат на четверых, где помимо него состояли его родители и Сы Юй, но, к своему глубокому удивлению, не обнаружил ни единого упоминания об аварии.

Отец с матерью присылали красочные фотографии из поездки, а Сы Юй всю оставял восторженные комментарии: «Какая невероятная красота!», «Мы с Цзун Жуем тоже очень хотим куда-нибудь съездить, но меня с работы совсем не отпускают... [рыдающий смайлик]», «Хорошенько вам отдохнуть!»

Мать в ответ беззлобно ворчала:

— Сяо Юй, только ты с нами и общаешься. А Цзун Жуй там чем занят? Опять ушел в себя?

На что Сы Юй послушно скинул фотографию, где Цзун Жуй был запечатлен в профиль, и приписал:

— Да он рядом сидит, вместе со мной смотрит! Некоторые сообщения я под его диктовку пишу, поленился сам за телефон браться.

Внутри у Цзун Жуя все перевернулось. Он дрожащими пальцами открыл присланный снимок.

Он совершенно не помнил момента съемки, но с экрана на него действительно смотрел он сам. Должно быть, привлеченный движением Сы Юя, он послушно повернул голову к объективу, хотя во взгляде сквозила странная, затаенная растерянность.

Цзун Жуй осторожно провел кончиком пальца по дисплею, оглаживая лицо своего экранного двойника.

То, что в семейной переписке не было ни намека на несчастный случай, поначалу озадачило его. Однако, немного подумав, он признал: так даже лучше.

Раз уж физически он не пострадал и находился в безопасности, не стоило портить родителям долгожданный отпуск и заставлять их попусту переживать.

И все же, пристально вглядываясь в собственное лицо на фотографии, он ощущал липкое беспокойство. Что-то было не так.

Его размышления прервал очередной поток всплывающих уведомлений.

Цзун Жуй скользнул взглядом по экрану: строчил общедомовой чат жильцов. Кто-то в очередной раз обнаружил на своем законном парковочном месте чужую машину и теперь громко требовал от управляющей компании разобраться с нарушителем.

Попытавшись смахнуть надоедливое уведомление, он снова столкнулся с капризами зависающей системы. Палец соскользнул, и вместо того чтобы закрыть окно, он случайно развернул чат на весь экран.

Раз уж окно открылось, он принялся лениво листать переписку назад. Те двенадцать дней, что стерлись из его памяти, для остальных обитателей жилого комплекса пролетели чередой самых обычных, серых будней. Соседи вяло переругивались из-за парковочных мест, искали хозяев прибившихся к подъезду собак и кошек, в сотый раз напоминали о строжайшем запрете затаскивать электросамокаты в квартиры после очередной новости о взрыве аккумулятора...

Вдруг его внимание привлекли жалобы молодых матерей. Они наперебой возмущались каким-то странным типом, разгуливающим по территории двора, и требовали от охраны навести порядок.

— Вы тоже его встретили?

— Да-да! Постоянно твердит что-то вроде: «Перед вами государь, почему не бьете челом?». Исторических сериалов пересмотрел, не иначе.

— Вроде приличный с виду мужчина, а в голове такое...

Цзун Жуй сочувственно покачал головой: сумасшедшие на улицах — всегда неприятно. Однако следующие реплики заставили его буквально оцепенеть.

— Да ладно бы просто бродяга какой, так ведь шепчутся, что он в университете преподает! Представляете, до чего докатился?

— Преподаватель? Да ну, врете!

— Чистая правда, из самого Пинчэнского! У меня племянница там учится. Она как-то гостила у меня, столкнулась с ним в лифте и так и обомлела — говорит, он у них какой-то курс по выбору читал.

«Преподаватель».

«Пинчэнский университет».

В Пинчэне под этим сокращением всегда понимали одно-единственное учебное заведение. То самое, что располагалось у конечной станции метро прямо за воротами их жилого комплекса. Место, где трудился сам Цзун Жуй.

В горле у него мгновенно пересохло. Насколько он знал, в этом огромном жилом комплексе действительно обитали несколько его коллег по кафедре. Но, судя по контексту беседы, этого «городского сумасшедшего» регулярно встречали именно в его подъезде.

Пазл складывался слишком однозначно. Кто еще это мог быть, если не он сам?

Листая дальше, он наткнулся на подробности от очередной свидетельницы:

— Я когда на этого сумасшедшего наткнулась, с ним рядом парень молодой крутился, худенький такой. Стоило безумцу заорать на весь коридор: «Разойтись, холопы!», как этот паренек весь аж пунцовым стал. Давай перед нами извиняться и шепотом объяснять, мол, у мужчины тяжелейший нервный срыв на фоне научной работы, вот крыша временно и поехала...

— Ничего себе срыв... — отозвался кто-то.

— Да ладно вам, неужели профессорам сейчас настолько несладко живется?

— Ой, да там сейчас такие требования к публикациям и грантам, немудрено свихнуться.

— Да какая разница, из-за чего он свихнулся! — вскипел другой сосед. — Если у мужика не все дома, семья обязана держать его под замком! У нас во дворе каждый вечер детвора носится. А вдруг у него фаза обострится и он на детей кинется?

Цзун Жуй заблокировал экран. Сил читать этот кошмар у него больше не оставалось.

Он швырнул замолчавший аппарат на диван. В голове ярким, издевательским слайдом застыла картина: он, взрослый, уважаемый коллегами преподаватель, с серьезным видом стоит посреди лестничной клетки и требует от соседей пасть ниц перед его императорским величием.

Случись такое в обычное время, он бы просто сгорел со стыда от столь грандиозного позора. Но сейчас его сковал ледяной страх. Соседи были правы. Что, если во время очередного помутнения рассудка он действительно сотворит нечто непоправимое?

Мысли путались, не давая вздохнуть. Первым порывом было пойти, растолкать Сы Юя и вытрясти из него все ответы, но, вспомнив измученный вид юноши, он удержался. Цзун Жуй медленно перевел взгляд на закрытую дверь кабинета.

Спустя пять минут он уже стоял у письменного стола, пытаясь унять внутреннюю дрожь глубоким вдохом.

— Глубокий вдох... спокойно, — тихонько прошептал он сам себе.

На сукне перед ним покоился расстеленный свиток белоснежной рисовой бумаги, а рядом высилась тушечница со свежерастертой, иссиня-черной тушью.

Каллиграфия была его единственной настоящей отдушиной, увлечением всей жизни. В детстве он мог часами завороченно наблюдать, как дед выводит на бумаге безупречные штрихи. Потом

попробовал сам — поначалу детские пальцы не держали тяжелую кисть, а расплывающиеся черные пятна казались просто веселой игрой. Но летели годы, и то детское любопытство переросло в глубокую, осознанную страсть. Никто из домашних тогда и подумать не мог, что он пронесет эту любовь через десятилетия.

В ту последнюю среду, оставшуюся в его памяти, он весь вечер до глубокой ночи переписывал знаменитую оду «Шанлинь».

Это монументальное творение Сыма Сянжу, созданное еще в эпоху Хань, поражало своим размахом, утонченной красотой слога и высочайшей художественной ценностью. Впрочем, Цзун Жуй брался за него не из праздного любопытства — длинный, тягучий текст оды идеально подходил для того, чтобы за монотонной работой полностью очистить разум от суеты.

Помня, что так и не закончил работу, он бережно приподнял стопку исписанных листов, желая отыскать место, где оборвалась каллиграфическая строка.

Но стоило ему перевернуть верхний лист, как рука его безвольно зависла в воздухе.

Большая часть свитков, разумеется, была покрыта его собственной каллиграфией. За долгие годы практики он изучил свой почерк до мельчайших нюансов и узнал бы его из тысячи.

Но прямо на полях, по соседству с его ровными, строгими строчками, тянулись чужие, незнакомые штрихи.

В большинстве своем они содержали тонкие рассуждения о монументальной красоте самой оды, но в нескольких местах неизвестный комментатор оценивал работу самого Цзун Жуй. Он писал, что его мазок — уверенный, твердый и резкий — пусть и уступает творениям великих мастеров древности, но уже обрел собственный зрелый характер и внутреннюю силу.

Цзун Жуй медленно сглотнул подступивший к горлу ком.

Он доподлинно знал: Сы Юй никогда в жизни не держал в руках каллиграфическую кисть.

Откуда тогда взялись эти приписки? Чья рука водила по бумаге?

Таинственный гость расточал похвалы его мастерству, однако сам Цзун Жуй понимал: этот человек владел кистью едва ли не лучше него самого. В противоположность его собственному — строгому, геометрически выверенному стилю кайшу, — чужой почерк казался на редкость вольным и летящим. Знаки струились по бумаге подобно вешним водам: безупречная игра света и тени, идеальные пропорции и выверенная плотность мазка выдавали руку человека, посвятившего каллиграфии не один год жизни.

Задумавшись на мгновение, он бережно отобрал листы с загадочными комментариями и

отложил их в сторону. Сверившись с последней строкой, Цзун Жуй обмакнул кисть в черную гладь тушечницы и принялся аккуратно выводить новые иероглифы на чистом свитке.

Древнее искусство не терпело суеты и требовало абсолютной самоотдачи. И хотя душу по-прежнему терзали сотни неразрешимых вопросов, стоило ворсу коснуться нежной бумажной поверхности, как внутренний хаос начал рассеиваться, уступая место долгожданному умиротворению.

Дописав очередной столбец, он поднял голову и невольно вздрогнул: в дверном проеме, прислонившись к косяку, бесшумно стоял Сы Юй.

Накинутый на скорую руку банный халат едва прикрывал тело юноши, а во взгляде снова читалась та самая, уже знакомая настороженность. Поняв, что его обнаружили, Сы Юй мгновенно поджал губы.

В каждом его жесте сквозила все та же нервозность человека, пытающегося во что бы то ни стало утаить нечто важное.

Цзун Жуй еще не успел разомкнуть губ, а в душе уже поднялась тихая волна разочарования.

Наконец нарушив молчание, он спросил совсем не то, что собирался:

— Сяо Юй, скажи... пока меня не было, к нам приходил кто-нибудь в гости?

— В гости? — растерянно переспросил Сы Юй. Было очевидно, что такого вопроса он не ожидал.

Однако он мгновенно справился с замешательством и заговорил на редкость уверенно:

— Да бог с тобой, какие гости! Я все это время ни на шаг от тебя не отходил, мы никого чужого в дом не пускали, честно!

Что касается прочих личностей Цзун Жуя — их Сы Юй, разумеется, чужаками не считал.

Вспомнив, какую бурную сцену ревности закатал ему «настоящий» Цзун Жуй всего пару дней назад, Сы Юй мысленно перекрестился и дал себе зарок сделать все возможное, чтобы не наступить на те же грабли дважды.